

СКАЗОЧНЫЕ СЮЖЕТЫ И СЮЖЕТЫ ИРЛАНДСКИХ САГ В ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЕ Н. ГУМИЛЕВА «ГОНДЛА»

М. ГИСТЕР

0. Введение

На рубеже XIX–XX вв., и далее, вплоть до 1930-х гг., в России входят в моду литература и фольклор кельтских и скандинавских стран. К ирландской литературе и ирландскому фольклору не остается равнодушен и Николай Гумилев. В 1920 г. он работает над переводом пьесы Йейтса «Графиня Кэтлин». Об интересе Гумилева к сюжетам Ирландских саг свидетельствуют и стихотворения «Оссиан» и «Канцона третья», и драма, точнее, набросок драмы, под названием «Красота Морни», 1919–1920. В этом тексте фигурируют и Кухулин, главный герой саг Ульстерского цикла, и Мальдун (точнее, Майль Дуйн), герой саги о путешествии в волшебные страны, принадлежащей к так называемому «циклу плаваний»¹.

В основе драматической поэмы «Гондла» (1917) лежат ирландские и скандинавские мифологические и фольклорные сюжеты, часто опосредованные литературными текстами. В поэме упоминаются имена ярла Эрика Красного и скальда Эгиля Скаллаgrimссона, и этим практически исчерпываются конкретные исторические детали. Но примерно установить время действия поэмы можно и без этих исторических имен: в финале конунг и ярлы принимают христианство, т. е. речь идет о самом конце XI в. Сама тема крещения Исландии в поэме Гумилева неотделима от фольклорного и мифологического сюжета о лебеде. Этому сюжету в поэме и его источникам в ирландских сагах посвящается данная работа.

1. Содержание поэмы «Гондла»

Позволим себе в нескольких словах пересказать содержание драматической поэмы «Гондла».

По замыслу Гумилева, принятию исландцами христианства способствует жизнь и жертва некоего Гондлы, горбатого некрасивого юноши, который при этом наделен нежной душой и даром певца. Ребенком его привезли в Исландию из Ирландии и выдают за сына ирландского короля. Ради укрепления союза между исландцами и ирландцами конунг дает Гондле в жены красавицу Леру и собирается передать ему власть. Но ярлы ненавидят Гондлу и знают тайну его происхождения (на самом деле, он – не сын ирландского короля: когда королевича и Гондлу перевозили на ладье в Исландию, первый утонул, а второй был выдан за него). Ярлы травят Гондлу, стремятся опозорить и лишить королевского достоинства.

И вот, когда на берегу моря на низложенного, изгнанного Гондлу бросаются его враги, чтобы убить, ирландские воины, только что ступившие на исландский берег, защищают его, признав в нем своего соплеменника, христианина. Тут же выясняется, что Гондла все-таки сын ирландского короля, но не прежнего, с которым утвердили союз исландские конунг и ярлы, а его преемника – скальда, которого избрали королем. Гондла, к которому неожиданно вернулась власть, хочет крестить язычников-исландцев, но те отказываются от крещения. Тогда он решает купить их спасение собственной жертвой, ставит меч себе на грудь (как крест) и закалывает себя.

После этого исландцы принимают христианство.

¹ О классификации др.-ирл. нарративной прозы см. [Михайлова 1999: 30–34].

2. Источники поэмы

В 1920 г. в заметке, хранящейся в архиве А. М. Горького, Гумилев подробно говорит об источниках своей поэмы. Он упоминает в первую очередь ирландскую легенду о принце Кондле. Эта легенда стала известна ему из книги Арбуа де Жубанвиля «История кельтской литературы» («Cours de la littérature Céltique»), «где говорится о горбатом принце Гондле или Кондле, жившем во втором веке по Рождестве Христове, о его несчастьях и отъезде на <...> Острова Блаженства в таинственной стеклянной ладье» [Гумилев 1991: II, 408]. Тут же Гумилев упоминает и о своих консультациях, полученных у профессора А. А. Смирнова – переводчика ирландских саг².

Кондла (точнее, Конла) герой ирландской саги *Echtrae Chonnlaí* («Странствие Конлы»), теряет покой, встретившись с феей-сидой, и наконец отплывает с ней в стеклянной ладье в «страну живых, страну, где нет ни смерти, ни невзгод». Чтобы избавить сына от наваждения, Конн Ста Битв призывает друидов, но феей-сида говорит:

As:bert in ben la sodain: "A Chuinn Chétchathaig, drúidecht ní-s:grádaighther. Ar is bec ro:saig for mesu artraig máir firíán connil muinteraib ilib adamraib. Mo-tub:ticfa a recht. Con:scéra brichtu druad tárdecho ar bélaib demuin duib dolbthig.

Thereupon the woman said: "O Conn of the Hundred Battles, do not love druidry. It is in a little while that the Great High King's righteous (and) decent one will reach your judgements with many wondrous followers. His law will soon come to you. He will destroy the spells of the druids of base teaching in front of the black, bewitching Devil³.

Волшебная страна вечной жизни, любви и счастья многократно упоминается в поэме «Гондла». О ней сам герой говорит своей возлюбленной:

Значит, правда открылась святым,
Что за бредами нашей крови,
И за миром, за миром земным
Есть свободное мере любви.
Серафимы стоят у руля
Пестропарусных легких ладей,
А вдали зеленеет земля
В снеговой белизне лебедей.
Сердце слышит, как плещет вода,
Сердце бьется, как птица в руке,
Там Мария, Морская Звезда,
На высоком стоит маяке.

[Гумилев 1991: II, 59].

Гондла, вне всякого сомнения, упоминает волшебную Страну Живых (др.-ирл. *tír na mbeo*), которая столь часто встречается в сагах о путешествиях («жанр плаваний», др.-ирл. *immrama*). Речь идет, в первую очередь, о странствии Конлы (*Echtrae Chonnlaí*), «Плавании Брана» (*Immram Brain meic Febuil*) или о «Плавании Майль Дуйна» (*Immram curaig Máele Dúin*); не будем также забывать и о своеобразном путешествии в Иной Мир, которое совершил Кухулин (см. сагу Ольстерского цикла «Болезнь Кухулина», *Serglige Con Culainn*).

² В сборник переведенных Смирновым саг, опубликованный через восемь лет после гибели Гумилева, в 1929 г., войдет и «Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста-Битв». См. [Ирландские саги 1929].

³ Др.-ирл. текст и перевод К. МакКона [McCone 2000: 174-5, 178, 181]. В переводе А. А. Смирнова: «О Конд Ста-Битв / Не милы больше друиды / Настал конец силе их» [Ирландские саги 1929: 258]. Ср. поэтический перевод Джекобса: *Oh, mighty Conn, fighter of a hundred fights, the Druid's power is little loved; it has little honour in the mighty land, peopled with so many of the upright. When the Law will come, it will do away with the Druid's magic spells that come from the lips of the false black demon* [Joseph Jacobs 1892].

После смерти Гондлы Лера, его возлюбленная, просит ладью, чтобы отплыть в волшебную страну с телом героя:

Люди, лебеди иль серафимы,
Приведите к утесам ладью.
Труп сложите в нее осторожно,
Легкий парус надуется сам,
Нас дорогой помчав невозможной
По ночным и широким волнам.
Я одна с королевичем сяду,
И руля я не брошу, пока
Хлещет ветер морскую громаду
И по небу плывут облака.
Так уйдем мы от смерти, от жизни.
– Брат мой, слышишь ли речи мои? –
К неземной лебединой отчизне
По свободному морю любви.
[Гумилев 1991: II, 91].

3. «Кондла Прекрасный» или «Кондла Горбатый»?

В историях Гумилевского Гондлы и Конлы из ирландской саги есть общий мотив путешествия в волшебную страну. Но здесь мы сталкиваемся с еще одним важным вопросом: почему Гумилев говорит «о горбатом принце Гонdle или Конdle»? И у Смирнова [Ирландские саги 1929], и у Виндиша [Windisch 1879], и позднее у Кросса и Словера [Cross, Slover 1969] упоминается, как правило, Кондла Прекрасный (*Connla the Fair*), Кондла Рыжий (*Connla the Red haired*; ср. *Connla of the Fiery Hair* у Джозефа Джекобса [Joseph Jacobs 1892]) или Конла Отважный (*Connla the Bold*). И лишь в книге д'Арбуа де Жубанвиля [Arbois de Jubainville 1883-92], на которую, впрочем, Гумилев ссылается в первую очередь, упоминается Конла Горбатый (*Condlé le Bossu*). Между тем, эпитет «горбатый» трудно применим как к Конле, сыну Конна Ста Битв, так и к его тезке из Ульстерского цикла, Конле, единственному сыну Айфе. Собственно, горбатый герой в ирландских сагах один – это герой с созвучным, но все же другим именем – Коналл из Ульстерского цикла – *Conall Cernach*.

Появление у д'Арбуа де Жубанвиля эпитета «горбатый» можно объяснить единственным способом. Очевидно, в оригинальной рукописи он прочитал слово «прекрасный» (др-ирл. *cain*) как «горбатый» (др-ирл. *cam*), которые, из-за особенности почерка переписчика, действительно, могли оказаться неотличимы одно от другого – ирландские монахи-переписчики использовали стиль «инсулярный полуунциал», и такие буквы, как «йота» (i), «эн» (u) и «эм» (uu) передавались с помощью «миним»⁴. На книгу Виндиша, которая вышла несколькими годами раньше, д'Арбуа де Жубанвиль, видимо, внимания не обратил.

Так или иначе, двойственность эпитетов *прекрасный* – *горбатый* играет важную роль для осмысления образа героя поэмы Гумилева. Своему безобразному жениху Лера говорит:

Ты бледнеешь опять, ты дрожишь...
Что с тобой, королевич мой белый?
Ты прекрасен, когда говоришь,
Ты как Бальдер, бросающий стрелы.
[Гумилев 1991: II, 59]

Неточность д'Арбуа де Жубанвиля пришлась Гумилеву очень кстати: для него важно было сочетание в его герое телесного уродства с нежной поэтической душой. Образ

⁴ Это объяснение подсказал мне во время конференции Кельто-Славика-2 Джон Кэри. Благодарю его за это ценное замечание.

безобразного, но доброго героя, который женится на красавице, сближает драматическую поэму Гумилева с фольклорными и литературными сказками о Красавице и Звере (тип АТ 425 А, В и С).

3. Фольклорные сюжеты о лебеде/ о лебедях в поэме Гумилева

Вообще, безобразный с виду и гонимый всеми герой, наделенный каким-либо необыкновенным умением или прекрасными душевными качествами, часто встречается в сказках как устной, так и книжной традиции. Кроме того, ситуация, когда оказавшийся среди чужаков безобразный лебеденок сначала всеми гоним, но потом, встретившись со своими соплеменниками, впоследствии оказывается признан и любим даже теми, кто гнал его прежде, хорошо известна как Гумилеву, так и его читателям по сказке Андерсена «Гадкий утенок». В Царском Селе молодого Гумилева многие называли «гадким утенком». П. Н. Лукницкий вспоминает: «Николай Степанович совершенно не выносил царскоселов. Конечно, он был такой – гадкий утенок в глазах царскоселов» [Лукницкая 1990: 29]. Гадким утенком он предстает и в стихотворении Анны Ахматовой «В ремешках пенал и книги были» (1912):

Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.

[Ахматова 1989]

Ниже речь пойдет о «лебединых» сказках Андерсена, которые, как мы увидим, находят отражение в произведении Гумилева.

Помимо самого путешествия, история Конлы прекрасного содержит следующие сказочные мотивы (по указателю мотивов С. Томпсона – [Thompson 1955]): «Фея-возлюбленная» (F 302: *Fairy mistress*), или «Фея заманивает человека в волшебную страну» (F 302.3.1: *Fairy entices man into fairyland*). Эти мотивы тесно связаны с образом *лебединой девицы*: «Фея попадает во власть человека, когда тот крадет ее крылья» (F 302.4.1: *Fairy comes into man's power when he stills her wings*), а также мотив «Лебедь по собственной воле превращается в девушку» (D 361.1: *A swan transforms herself at will into a maiden*).

Фольклорные сюжеты о лебеде весьма актуальны для Гумилевской драмы «Гондла», т. к. ее главные герои, Гондла и его возлюбленная Лера (оба родом из Ирландии) часто сравниваются с лебедями, которых преследуют волки (язычники исландцы). В начале драмы исландский конунг рассказывает о том, как когда-то послал в Ирландию за юным принцем:

Осмотрительно, мудро и тонко
Я давал наставленья послам,
Чтоб оттуда достать лебеденка
Благородного выводка нам.

(...)

Гондла вырос, и ныне венчают
Гондлу с Лерой Спаситель и Тор,
Это волки союз заключают
С лебедями спокойных озер.

[Гумилев 1991: II, 54]

Лера же говорит о своем уродливом женихе:

Для чего-то слепыми ночами
Уверяла лукавая мгла,
Что не горб у тебя за плечами –
Два серебряно-белых крыла...

[Гумилев 1991: II, 58]

Сам Гондла, которого обесчестили и лишили престола его антагонисты, говорит:

Не пойму, это солнце на небе
Или боль просияла моя?
Не пойму, человек или лебедь,
Лебедь с сердцем проколотым я...
[Гумилев 1991: II, 882]

Сюжеты о девушках, принимающих облик лебедей или других птиц, часто встречаются в ирландских сагах. В саге «Видение Энгуса» (*Aislinge Óenguso*) герой влюбляется в прекрасную девушку Каэр, которая являлась ему ночью. Год девушка проводит в человеческом облике, а год – в облике лебедя. Энгусу удается схватить лебедя-Каэр. Он тоже принимает облик лебедя, и они оба трижды оплывают вокруг озера, после чего девушка, приняв облик человека, навсегда остается с ним.

Из-за заколдованных птиц приключается болезнь героя в саге «Болезнь Кухулина и единственная ревность Эмер» (*Serglige Con Culainn*). Девушка в облике птицы прилетает к Кухулину в саге «Смерть Лугайда и Дерволгиллы» (*Aided Lugdach 7 Derbforgaill*). Дерволгилла принимает облик птицы из-за своей любви к Кухулину. Уладские женщины наносят ей бесчестие и жестоко убивают ее.

Часто в сказках о лебединой деве лебеди сбрасывают страдающей на чужбине героине по перышку, и она улетает, превратившись в лебедя. Хотя такого сюжета в ирландских сагах нет, но среди сказочных мотивов, имеющих отношение к сюжету о лебединой деве, многие связаны с оперением, возвращенным героине, и ее превращением снова в лебедя. Сказочному сюжету о волшебной жене, в частности, птице (АТ 402) соответствуют по указателю Томпсона [Thompson 1955] следующие мотивы: «Женитьба на лебединой деве» (В 625.1: *Marriage to swan-maiden*), «Фея подчиняется человеку, когда тот похищает ее крылья; найдя их, она улетает» (F 302.4.2: *Fairy comes into man's power when he steals her wings; she leaves when finds them*) и близкий к ним «Лебединая дева: найдя крылья, она возвращает себе лебединый облик» (D 361.1.1: *Swan-Maiden finds her wings and resumes her form*). При этом, по замечанию Томпсона, трудно установить, лебединая или человеческая природа первична для героини сказок с указанными мотивами. Все эти мотивы сочетаются, прежде всего, со сказочными типами, которые объединяются дефиницией «Сказки о необыкновенной супруге» (типы АТ 400-413)⁵. Сказки о лебединой деве, страдающей в замужестве на чужбине, соседствуют здесь со сказками о фее, соблазняющей смертного мужчину. Фея при этом может помогать человеку, наделяя его сверхъестественным могуществом, но может и околдовать, вызвав болезнь, и увезти в страну фей. С последним сюжетом мы встречались выше, в легенде о Кондле Прекрасном. Сюжетам о связи феи со смертным соответствуют мотивы «Фея соблазняет человека отправиться в страну фей» (F 302.3.1), соседствующий с «лебединым» мотивом F 302.4.2 (см. выше), а также мотив «Фея увозит человека в свою страну» (F 320). Именно эти мотивы лежат в основе легенды о Кондле, и именно с ними мы встречаемся в финале драмы «Гондла». Униженный и лишенный королевской власти, Гондла говорит:

Но зачем я стою у порога,
Если прямо среди дымных полей
Для меня протянулась дорога
К лебединой отчизне моей.
Только стану на берег зеленый,

⁵ Сочетаемость мотивов в данном случае – важный критерий, по которому можно сделать вывод о близости сюжетов о лебединой деве с сюжетами о связи человека с феей в волшебных и мифологических сказках. О методологии анализа сюжета при помощи каталога мотивов Томпсона см. [Неклюдов 2004].

Крикну: лебеди, где вы? Я тут <...>
[Гумилев 1991: II, 70]

Вскоре после этого на помощь Гондле приходят лебеди-ирландцы.
Лера, так же, как и Гондла, родом из Ирландии; она также страдает среди исландцев:

Унеси меня к родине нашей
На своих лебединых крылах.
[Гумилев 1991: II, 70]

Подобно сказочной лебединой деве, Лера стремится вернуть себе лебединый облик. Кроме того, в финале она выполняет еще одну сказочную функцию: функцию феи, увозящей героя в волшебную страну. Если в Гондле постоянно подчеркивается двойственность (безобразный горбун – прекрасный принц-поэт), то и природа его невесты двойственна. Невеста Гондлы днем весела и жестока, насмехается над уродливым Гондлой, и тогда ей имя Лера, ночью же она кротка, печальна, любит Гондлу и зовется Лаик:

Вспоминаешь ты Леру дневную,
Что от счастья бывает пьяна,
А печальную Лаик ночную
Знает только седая луна.
[Гумилев 1991: II, 58]

Если промежуточным звеном между историей Гондлы и народными сказками о лебедях становится сказка Андерсена «Гадкий утенок», то и связкой между историей Леры и народными сказками о лебединой деве оказывается одна из сказок Андерсена.

На эту сказку сам Гумилев косвенно указывает в качестве одного из источников поэмы: «Мотив духовных превращений девушки, кроткой ночью и жестокой днем, взят мною у Андерсена <...>» [Гумилев 1991: III, 408]. Названия он не упоминает, но очевидно, что речь идет о сказке «Дочь болотного царя». Напомним ее содержание.

Чтобы спасти больного отца, египетская принцесса в образе лебедки отправляется в Данию, т. к., по предсказанию, именно там растет цветок лотоса, который может исцелить «египетского хозяина». Принцесса попадает в плен к болотному царю. У них рождается дочь.

Аист находит девочку в цветке болотного лотоса и приносит жене викинга, которая любит ее, как своего родного ребенка. Днем девочка, которой дают имя Хельга, прекрасна, но жестока, а ночью она становится ласковой и кроткой, но превращается в безобразную жабу.

Однажды викинги привозят в замок пленника – это молодой христианин, священник с Юга. Викинги хотят казнить христианина, но ночью жаба-Хельга спасает его: она сажает его на свою лошадь и уезжает вместе с ним. Днем она превращается в жестокую красавицу и кидается на священника с кинжалом, но тот умиротворяет ее молитвой. Вечером в лесу на беглецов нападают разбойники. Они убивают христианина, а Хельга превращается в жабу, и это спасает ее. Жаба хоронит священника, а когда она чертит на могиле крест, с жабьей лапки спадают перепонки, Хельгу оставляют чары. Ей является убитый христианин и ведет ее на болото, где покоится ее мать. Египетская принцесса, очнувшись от своего волшебного сна, встает из болота и узнает свою дочь. Аист приносит обоим лебединое оперение, и они, попрощавшись с женой викинга, вместе со стаей аистов улетают в Египет.

Хельгу выдают замуж за аравийского принца. В день свадьбы ей является убитый священник. Он берет ее с собой, чтобы показать то райское блаженство, в котором он пребывает. Хельге кажется, что она пробыла в раю всего 3 мгновения, но когда она возвращается, оказывается, что прошло много веков с тех пор, как она исчезла в день своей свадьбы. Старая Хельга тут же умирает, а душа ее возносится в Рай.

Сказки Андерсена не менее тесно связаны с фольклорной традицией, чем сказки Шарля Перро или братьев Гримм. В данной сказке Андерсена мы встречаем несколько мотивов, характерных для народных сказок или мифов. Пержде всего, это мотив «Фея подчиняется человеку, когда тот похищает ее крылья; найдя их, она улетает» (F 302.4.2:

Fairy comes into man's power when he steals her wings; she leaves when finds them). Правда, в данном случае оперение египетской принцессы крадут ее завистливые подруги, после чего она попадает во власть болотного царя, а освобождается она, когда за ней приходит ее дочь. Оперение тоже играет роль в этом освобождении: аист отдает Хельге и ее матери оперения, которые он, в свою очередь, украл у подруг принцессы. В сказке Андерсена «Дочь болотного царя» есть и другие мотивы, встречающиеся в народных волшебных сказках. Это мотивы «Днем человек, ночью животное» (D 621.1.1: *Human by day, animal by night*) и «Днем безобразен, ночью прекрасен» (D 623.3: *Ugly by day, beautiful by night*). Заметим, кстати, что первый из этих мотивов встречается и в другой сказке Андерсена – «Дикие лебеди»⁶, где заколдованные принцы днем живут в облике лебедей, а ночью обретают человеческий облик. Однако в сказке «Дочь болотного царя», как мы помним, в метаморфозах героини важна именно духовная сторона. Днем Хельга – жестокая красавица, а ночью – безобразная жаба с кротким сердцем.

Именно об этом «мотиве духовных превращений девушки» говорит Гумилев. Лера-Лаик, кроткая ночью и злая днем, сопоставляется, таким образом, с андерсеновской Хельгой. Так же, как Хельга навсегда остается кроткой и прекрасной девушкой, после того, как молодой священник обращает ее в христианство, Лера навсегда остается кроткой Лаик после жертвы Гондлы.

Обращенная Лера-Лаик отправляется с телом Гондлы «К неземной лебединой отчизне / По свободному морю любви», т. е. в страну фей из ирландских саг, в «долины вечной жизни» (др.-ирл. *Mag Meld; tír tairngiri inna mbéo*), которые, по замыслу Гумилева, одновременно являются христианским раем. Подобная же страна есть и в сказке Андерсена «Дочь болотного царя»: священник показывает Хельге рай, и несколько столетий, проведенных там, кажутся ей несколькими мгновениями. Здесь в точности воспроизводится сказочный тип АТ 470 – «Край, где не умирают».

Сам мотив превращения заколдованного героя из животного снова в человека благодаря обращению в христианство – не сказочного происхождения. Он встречается в легендах. В частности, этот мотив присутствует в ирландской легенде о детях короля Лира «Трагическая смерть детей Лира» (*Oidheadh Chloinne Lir*)⁷:

Злая мачеха превращает детей короля Лира, трех принцев и принцессу, в лебедей. 900 лет они должны жить в разных странах, и только к концу этого срока возвращаются в Ирландию. В это время св. Патрик приносит в Ирландию христианство. Услышав церковный колокол, или, по другим вариантам, став свидетелями молитвы св. Патрика (или св. Кемока) и его ученика, они обретают человеческий облик: св. Патрик видит троих старцев и одну старуху и крестит их. Они сразу же умирают, и их хоронят в одной могиле.

По некоторым вариантам легенды, св. Патрик видит, как над могилой поднимаются четыре лебедя и улетают на небо. Таков, в частности, финал саги в собрании Эллы Янг:

When he touched them the swan-feathers dwindled and shrivelled and became as fine dust, and the bodies of Lir's children became as a handful of dust, but their spirits attained to freedom and joined their kinsfolk in the Land-of-the-Ever-Living [Young Ella 1910].

Заметим, однако, что корни у этой ирландской легенды – общие со сказкой братьев Гримм «Шесть лебедей» и сказкой Андерсена «Дикие лебеди». В основе всех этих текстов лежит сюжет народной волшебной сказки – тип АТ 451 – «сестра ищет братьев». В сказках данного типа сестра находит в лесу своих братьев, которые еще до появления сестры, а в некоторых вариантах, наоборот, уже после этого,

⁶ Возможно, что эта сказка Андерсена, в свою очередь, является пересказом сказки братьев Гримм «Шесть лебедей». У братьев Гримм заколдованные принцы обретают человеческий облик каждый день лишь на четверть часа. Об этих сказках Андерсена и братьев Гримм речь еще пойдет ниже.

⁷ Я благодарю Т. А. Михайлову, указавшую мне на эту легенду.

оказываются превращены в животных. Чтобы вернуть им человеческий облик, сестре приходится шить им рубашки, как мы это видим в сказках Андерсена и братьев Гримм. Если знакомство Гумилева с легендой о детях Лира сомнительно⁸, то сказки Андерсена и Гримм о детях-лебедях он явно знал, а мог знать и какие-либо их фольклорные прототипы. В качестве первой литературной фиксации в западной Европе сказки данного типа Клод Бремон [Berlioz, Bremond, Velay-Vallentin 1989] указывает на средневековый «Роман о семи мудрецах» (*Dolopathos sive de Rege et Septem Sapientibus*), написанный в XII в. лотарингским монахом по имени Johannes de Alta Silva, и переведенный на французский язык трувером по имени Эрбер около 1225 г. В этом тексте один из мудрецов рассказывает королю сказку «Дети-лебеди». Важно, что, хотя в устной традиции братья в сказке типа АТ 451 могут быть превращены в любых, самых разнообразных животных, в этом средневековом тексте речь идет именно о лебедях, т.е. именно устная версия с превращением детей в лебедей была зафиксирована книжной традицией в XII в. и стала, по всей видимости, самой ранней книжной фиксацией сказки данного типа.

В сказке «Дети-лебеди» некий сеньор, погнавшись на охоте за ланью, встречает у источника нимфу, сбросившую лебединое оперение. Он увозит ее в свой замок. Нимфа рождает ему шестерых сыновей и дочь, но злая свекровь подменяет детей щенками, а детей приказывает отнести в лес и убить. Слуга относит в лес семерых детей нимфы, но не убивает их. Дети, подобно их матери, могут превращаться в лебедей, а надев золотые цепочки, снова обретать человеческий облик. Узнав о том, что дети живы, злая старуха снова посылает в лес своего слугу, с приказанием украсть золотые цепочки. Ему удается украсть цепочки у мальчиков, у девочки же ее цепочка остается. Дети-лебеди вместе с сестрой поселяются на озере около замка своего отца. Девочка просит в этом замке милостыню. Благодаря ей, их отец вскоре узнает правду о своих чудесных детях и о происках своей матери. Золотые цепочки находят, и мальчики снова обретают человеческий облик. Злая свекровь наказана.

Любопытно, что начинается сказка из «Романа о семи мудрецах» сюжетом о лебединой девице, и затем постепенно переходит в сюжет о сестре и заколдованных братьях. Кроме того, подмена детей щенками заставляет вспомнить сказки типа АТ 707 о том, как завистливые сестры подменяют щенками или другими животными необыкновенных детей своей младшей сестры (у детей могут быть золотые и/или серебряные волосы, ноги по колено в золоте, звезда во лбу и т. п.). Неизвестно, бытовала ли в устной традиции сказка, которая начиналась бы историей лебединой девы с переходом в тип АТ 707 (в данном случае детей подменяет свекровь, которая не принимает необыкновенную невестку), и переходил ли в дальнейшем тип АТ 707 в тип АТ 451. Возможно, сам автор «Романа о семи мудрецах», заметив черты сходства в этих двух сказочных сюжетах (и в том, и в другом речь идет о заколдованных лебедях), объединил их в один текст. В собрании французских сказок Деларю – Тенез [Delague, Tenèse 1976] есть сказка типа АТ 451, где сестра находит братьев в лесу, а потом, чтобы вернуть им человеческий облик (из-за происков вампира они превратились в быков), вынуждена молча шить им рубашки из крапивы. За этим занятием ее находит молодой капитан, она рождает ему необыкновенных детей, которых злая свекровь подменяет щенками. Таким образом, все происходит, как в сказке братьев Гримм. В сказке из «Романа о семи мудрецах» мотив подмены детей щенками относится не к началу, а к концу текста. Жертвой навета свекрови оказывается не сестра, которая ищет братьев-лебедей, а их мать, лебединая дева. Так или иначе, для братьев Гримм сюжет о заколдованных детях оказался связан именно с образом лебедя. Хотя основным их источником являлась устная традиция, не исключена возможность непосредственного знакомства собирателей с одной из латинских или французских версий «Романа о семи мудрецах». Так или иначе,

⁸ Можно предположить, что данную легенду Гумилев узнал от А. А. Смирнова, но документальных свидетельств этому не имеется, а в собрании Смирнова легенда о детях Лира отсутствует.

неоспоримо типологическое родство ирландской легенды о детях короля Лира и народных сказок о заколдованных детях лебедях; эти сказки, в свою очередь, послужили источником братьям Гримм и Андерсену, а на последнего ориентировался в своей драматической поэме Гумилев.

5. Заключение

При создании драматической поэмы «Гондла» Гумилеву важными источниками послужили ирландские саги и сказки Андерсена. Возможно, ему были известны и фольклорные тексты с близкими сюжетами, но утверждать этого я не берусь. В образе героини драматической поэмы Леры-Лаик есть черты как страдающей девы-птицы из саг Ульстерского цикла, и, наоборот, могущественной и прекрасной феи-сиды из фантастических саг, и андерсеновской Хельги с ее духовными метаморфозами, а также ее превращениями то в безобразную жабу, то в белую лебедь. Сам Гондла, «лебеденок», горбатый принц-поэт, креститель волков-исландцев, соотносится как с Конлой из ирландской саги жанра «путешествий» (др.-ирл. *echtrae*), так и со священником, расколдовавшим и обратившим в христианство андерсеновскую Хельгу. Кроме того, сам он – андерсеновский гадкий утенок, и в то же время заколдованный принц-лебедь. Герой драматической поэмы Гумилева проходит путь от безобразного и презираемого всеми горбуна (гадкого утенка), до прекрасного короля-поэта-священника, каким он предстает в конце, в момент своего трагического апофеоза. В этом смысле Гондла соотносим с друидами, какими видел их Гумилев – одновременно жрецами, поэтами и правителями. О высокой миссии друидов и поэтов, единственных законных правителей, Гумилев пишет как в программе лекций по исторической поэтике, так и в стихотворении «Канцона третья» из книги «Костер»

И будут, как встарь, друиды
Учить с зеленых холмов,

И будут, как встарь поэты
Вести сердца к высоте (...)

Идея о том, что миром должны управлять поэты, подобно тому, как это делали друиды – одновременно жрецы, поэты и правители – увлекала Гумилева настолько, что он называл ее своей «политической программой» [Иванов 2005: 112–122]. Именно таким идеальным правителем-поэтом-жрецом и оказывается Гондла – лебедь-ирландец, на чьи прототипы и в ирландских сагах, и в сказках Андерсена, указывал сам Гумилев.

Summary

MARINA GUISTER

FOLK-MOTIFS AND PLOTS OF THE IRISH SAGAS IN GUMILEV'S "GONDLA"

The nineteenth–twentieth centuries' frontier, and onto the nineteen-thirties, is the period when the literature and the folklore of the Celtic and Scandinavian counties were brought into Russia. In this way Nikolaj Goumilev, the author of the drama "Gondla", translates "Countess Kathleen" by W. B. Yeats and writes his own drama "Morny's beauty" influenced by some recurring themes of the Irish sagas.

The drama-poem "Gondla" is also based on the Irish comparanda, namely on the history and the sagas of the *echtrae*-cycle of tales. The story takes place in Iceland in the eleventh century; Gondla, the Christian, the son of the Irish king, converts the Icelanders into Christianity. Goumilev himself mentions the sagas about "the hump-backed prince Condla" abducted by a

fairy as the source of his drama. The saga of Connla the Fair, or *Echtrae Chonnlaí*, is known to him from the work by H. d'Arbois de Jubainville *Cours de Littérature Celtique*, as well as, possibly, from the private conversations with A. Smirnov, the first Russian translator of the Irish sagas.

The story of Connla contains some widespread folk motifs (cf. S. Thompson's *Motif-index*), such as F 302 *Fairy mistress*, or rather F 302.3.1 *Fairy entices man into fairyland*. The motifs in question are closely related to those of the *Swan-maiden* (F 302.4.1 – *Fairy comes into man's power when he stills her wings*, and D 361.1 – *A swan transforms herself at will into a maiden*). The *swan-plots* are of great importance for Goumilev's "Gondla", since the main characters of the drama, Gondla and Lera his fiancée (both Irish) are compared there to the swans persecuted by the wolves (the pagan Icelanders). The motifs are particularly prominent in the case of the Irish folktales and legends.

The *swan-plots* from the Celtic and Slavonic folktales and legends are closely related in "Gondla" to the fairy-tales by Andersen, such as *The Marsh King's Daughter*, *The Ugly Duckling*, *The Swan's Nest* and *The Wild Swans*. The plot of the last fairytale is close to that of the Irish legend about the king Lir's children transformed into swans (*Oidheadh Chloinne Lir*). In the same time, this plot is close to the fairy-tale type AT 451 – *The maiden who seeks for her brothers* and AT 451* – *Sister as mysterious housekeeper*. The story of this type, with the brothers transformed into swans and a swan maiden as the mother of the swan-children, is literary fixed in the twelfth century in the novel *Dolopathos sive de Rege et Septem Sapientibus*.

The main character of Goumilev's drama is the poet, the ruler and the priest who baptises Iceland at the same time. As such, he illustrates one of Goumilev's favourite ideas: the poets must govern the world, as the druids used to do in the distant past.

Литература

- Андерсен 1969 – Андерсен Г. Х. Сказки и истории: в 2 т. Л.: Худ. Лит. 1969.
Ахматова 1989 – Ахматова А. А. Десятые годы: в 5 кн. / Сост. и прим. Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова; Послесл. Р. Д. Тименчика. М.: Изд-во МПИ, 1989.
Гумилев 1991 – Гумилев Н. С. Сочинения: в 3 т. / Сост., прим. Н. А. Богомолова, Р. Д. Тименчика. М.: Худ. Лит. 1991.
Иванов 2005 – Иванов Вяч. Вс. Николай С. Гумилев и Жорж Дюмезиль: роль поэтов и тройственность каст в древности. / Историко-филологический сборник Шиповник: К 60-летию Р. Д. Тименчика. М.: Водолей, 2005. С. 112–122.
Ирландские саги 1929 – Ирландские саги. Перевод А. А. Смирнова. Л.: Академия, 1929.
Лукницкая 1990 – Лукницкая В. Н. Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990.
Неклюдов 2004 – Неклюдов С. Ю. Мотив и текст. // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
Саги об уладах 2004 – Саги об уладах. Сост. Т. А. Михайловой. М.: Аграф, 2004.

Arbois de Jubainville 1883-92 – Arbois de Jubainville H. Cours de Littérature Celtique. 5 T. Paris, 1883–1892.

AT – Aarne A., Thompson S., The Types of Folktale. A Classification and Bibliography, Helsinki, Academia Scientiarum Fennica, 1964.

ATU – Aarne A., Thompson S., Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004.

Berlioz, Bremond, Velay-Vallentin 1989 – Berlioz J., Bremond C., Velay-Vallentin C. (sous la direction de). Formes Médiévales du conte merveilleux, ed. Stok, 1989.

Cross, Slover 1969 – Cross T. P., Slover C. H. Ancient Irish Tales. Totowa, New Jersey: Barnes and Noble Books, 1936 (repr. 1988).

- Delarue, Tenèse 1976 – *Delarue P., Tenèse M.-L.* Le conte populaire Français. Catalogue raisonné des versions de France, Paris, Larousse, 1976 (2nd ed. 1996-7).
- Joseph Jacobs 1892 – Celtic Fairy Tales, by Joseph Jacobs. Illustrations by John D. Batten. London, D. Nutt, 1892.
- McCone 1990 – *McCone K. Echtrae Chonnlaí* and the Beginnings of Vernacular Narrative Writing in Ireland: a Critical Edition with Introduction, Notes, Bibliography and Vocabulary. Maynooth Medieval Irish Texts, 1. Maynooth: Department of Old and Middle Irish, National University of Ireland. Maynooth, 2000.
- Thompson 1955 – *Thompson S.* Motif-Index of Folk-literature: A Classification. T. 1-6. Bloomington, 1955.
- Windisch 1879 – *Windisch E.* Kurzgefasste Irische Grammatik. Leipzig, 1879.
- Young Ella 1910 – Celtic Wonder Tales, by Ella Young. Dublin, Maunsell and Company, 1910.